

RU

«Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX – начале XXI в.: интеграционный потенциал

Белоглазов А. В., Надыров Р. Н.

Аннотация. Цель исследования - выявление интеграционного потенциала политики «мягкой силы», проводимой Турецкой Республикой в Центральной Азии. В статье рассматриваются формирование турецкой концепции «мягкой силы» и причины её использования в Центральной Азии. Выявляется роль Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТІКА) и Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) в реализации политики «мягкой силы» в регионе. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые выявлена роль международных организаций ТІКА и ТЮРКСОЙ в проведении турецкой политики «мягкой силы» в Центральной Азии. В результате доказано, что эта политика обладает серьёзным интеграционным потенциалом.

EN

Turkey's "Soft Power" in Central Asia in the Late XX - Early XXI Century: Integrative Potential

Beloglazov A. V., Nadyrov R. N.

Abstract. The purpose of the study is to determine the integrative potential of the "soft power" policy pursued by the Republic of Turkey in Central Asia. The article discusses formation of the Turkish concept "soft power" and reasons for its use in Central Asia. The role of the Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA) and the International Organisation of Turkic Culture (TÜRKSÖY) in implementation of the "soft power" policy in the region is identified. The study is novel in that it is the first to determine the role of the international organisations TİKA and TÜRKSÖY in carrying out the Turkish policy of "soft power" in Central Asia. As a result, it is proved that this policy has a considerable integrative potential.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Турецкая Республика в современной системе международных отношений стала одним из активных игроков. В её внешнеполитическом арсенале присутствуют средства как принуждения [21], так и привлечения на свою сторону. Вместе с тем возможности использования Турцией принуждения весьма ограничены. Это наглядно продемонстрировали безуспешные попытки осенью 2019 г. провести широкомасштабную антикурдскую операцию «Источник мира» на севере Сирии. Силовые действия Турции натолкнулись на противодействие крупнейших мировых игроков, прежде всего США и Российской Федерации, с которой ей пришлось подписать особые договоренности по этому вопросу [16]. В силу этого основным путем к получению Анкарой международного признания как надрегиональной державы становится путь «привлечения на свою сторону», на котором «мягкая сила» является одним из ключевых инструментов.

Центральная Азия географически и геополитически является важнейшим регионом, связующим звеном трех цивилизационных пространств – российского, китайского и исламского. В условиях формирования многополюсного мира для Турции чрезвычайно важны безопасные коммуникации с тремя важнейшими «клетками евразийской шахматной доски», проходящими через регион. Актуальность этого вопроса повышается в связи с реализацией в регионе масштабных инфраструктурных проектов в рамках китайской стратегии «Один пояс, один путь». Кроме того, регион чрезвычайно богат энергоресурсами, что привлекает к нему внимание многих мировых политических акторов.

Однако для Турции решающим фактором активизации политики в регионе стало то, что из пяти региональных государств четыре – тюркские: Казахстан, Киргизия, Туркменистан и Узбекистан. Потому Турция уже в середине декабря 1991 г. признала независимость всех стран региона и открыла в их столицах диппредставительства. Также она помогла им стать членами Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (ныне ОБСЕ) [3, с. 261], хотя все они располагаются в Азии. Кроме того, уже в начале 1990-х гг.

в Центральной Азии была развернута сеть турецких лицеев, школ и университетов, негласной целью которых стало формирование новой элиты, воспитанной в духе турецких ценностей [4, с. 122]. С тех пор Центральная Азия стала регионом, где турецкое руководство более или менее успешно использует возможности «мягкой силы» через инструменты тюркской интеграции, пытаясь утвердиться в качестве лидера.

Цель исследования – выявление интеграционного потенциала политики «мягкой силы», проводимой Турецкой Республикой в Центральной Азии. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть турецкую интерпретацию концепции «мягкой силы»; во-вторых, выявить особенности её использования в Центральной Азии; в-третьих, определить роль Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТКА) и Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) в реализации политики «мягкой силы» в регионе.

Для осмысления интеграционных возможностей политики «мягкой силы», проводимой Турецкой Республикой в Центральной Азии, в статье применяются следующие методы исследования: историко-генетический метод и метод контент-анализа. Историко-генетический метод позволил выявить эволюцию феномена «мягкой силы», используемого в рамках внешней политики Турции применительно к Центрально-Азиатскому региону в конце XX – начале XXI века. Контент-анализ позволил провести работу с текстами многосторонних соглашений, информационных сообщений, размещенных на официальных сайтах структур, реализующих турецкую «мягкую силу» в изучаемом регионе.

Теоретической базой исследования послужили публикации Джозефа Ная [17; 18] и Александра Л. Вувинга [20], в которых исследуется применение «мягкой силы» в международных отношениях, а также Ахмета Давутоглу [12], обосновавшего её турецкую интерпретацию.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его положения и выводы могут использоваться в дальнейших научных исследованиях турецкой внешней политики и международных отношений в Центральной Азии. Кроме того, они могут быть использованы в учебном процессе при подготовке международныхников, востоковедов и регионоведов.

Турецкая интерпретация концепции «мягкой силы»

«Мягкая сила» – один из феноменов современной внешней политики, исследованный в трудах Джозефа Ная [17; 18]. По его мнению, работа с «мягкой силой» должна строиться таким образом, чтобы привлекательность становилась действенным стимулом к межгосударственному сотрудничеству. При этом идеология рассматривается как один из ресурсов привлекательности [17, р. 167]. Существенный вклад в развитие концепции «мягкой силы» внес Александр Л. Вувинг [20], рассматривающий источники мягкой силы через призму таких понятий, как доброта (благожелательность), великолепие и красота.

Время расцвета турецкой «мягкой силы» принято связывать с приходом к власти Партии справедливости и развития в 2002 г. и с личностью Ахмета Давутоглу [6], в первую очередь, как автора монографии «Стратегическая глубина. Международное положение Турции». В этой работе он призывает приспособиться к условиям, возникшим по итогам холодной войны, и использовать «стратегические глубины» в географии, истории и культуре, которыми обладает Турция. Области, в которых есть «стратегическая глубина», являются параметрами силы, составляющими в совокупности с иными параметрами мощь государства, которая может быть рассчитана по предложенной им оригинальной формуле. История, культура, экономика и наука, относящиеся к параметрам силы, и являются теми областями жизнедеятельности, благодаря которым и в которых реализуется «мягкая сила» [12, s. 17].

Вместе с тем первым турецким политиком, осознавшим и успешно использовавшим во внешнеполитических целях стратегию «привлечения на свою сторону», был восьмой президент Турции Тургут Озал. Исламские ценности и османское историческое и культурное наследие стали при нём основой для развития отношений Турции с мусульманскими государствами Ближнего Востока. Т. Озалу принадлежат слова, сказанные им в бытность премьер-министром в 1984 г.: «Турция, занимающая достойное место в исламском мире, станет страной, уважение к которой и вес которой как на Западе, так и во всем мире увеличатся... и мы верим, что благодаря этому наша страна станет мостом, соединяющим исламский мир с миром западным» [9, с. 54].

Особенности использования Турцией «мягкой силы» в Центральной Азии

Распад СССР сформировал идеологический вакуум в пределах прежней мировой системы социализма. Соответственно актор, предлагавший его востребованное идейное наполнение, мог рассчитывать на режим наибольшего благоприятствования при установлении межгосударственных взаимоотношений. Турецкая Республика стала одним из первых государств, не только осознавшим важность исторического момента, но и не преминувших воспользоваться шансом и заявить о себе как о региональном лидере на тюркоязычной части постсоветского пространства.

В тот период перед Турцией в Центральной Азии открылось тюркоязычное «поле деятельности», на котором Турция, по мнению Т. Озала, была обязана играть роль лидера. Слова, произнесенные им в апреле 1993 г. во время поездки по тюркоязычным республикам бывшего СССР: «Они же турки! Мы обязаны построить мост, соединяющий нас с ними, повести их за собой, избавить от пережитых страданий» [Там же], позволяют понять восприятие исторического момента. В сложившихся условиях Озал, часто именуемый первым неоосманом [10],

обращается к творчеству Зии Гёкальпа [13; 14] как к возможному ключу ко всему тюркоязычному постсоветскому пространству. Руководствуясь интеграционными идеями Гёкальпа и активно используя потенциал «мягкой силы», Анкара начала выстраивать свои отношения с тюркоязычными государствами Центральной Азии.

Привлекательность Турции для вновь образовавшихся тюркских государств заключалась в том, что Анкарой за время пребывания Т. Озала на посту премьер-министра с 1983 по 1989 гг. была сформирована относительно либеральная, эффективно функционирующая экономика. Так, если в 1979 г. промтовары составляли немногим более 30% общего экспорта Турции, то в 1989 г. их доля возросла до 82% [10].

Экономические успехи превратили Турцию к началу 1990-х гг. из аграрного в успешно развивающееся индустриально-аграрное государство. Этническая, историческая, культурная и религиозная близость обеспечили восприимчивость тюркоязычных стран к информации Анкары о «турецкой модели развития» как об элементе привлекательности. Интересно, что идея экспорта этой модели поддерживалась не только лидерами тюркоязычных стран, но и западным сообществом. Так, журнал «The Economist», называя Турцию в конце XX века «звездой ислама», видел в ней «прототип» для постсоветских государств [19].

Одним из первых шагов, предоставивших реальную возможность использования инструментов «мягкой силы» в Центральной Азии, стал Саммит глав тюркских государств, состоявшийся 30-31 октября 1992 г. в столице Турции. В нём участвовали президенты всех независимых тюркоязычных стран, а по итогам 31 октября 1992 г. была подписана Анкарская декларация, заложившая основу многостороннего сотрудничества тюркоязычных государств.

В контексте использования Турцией «мягкой силы» подписание Анкарской декларации [11] означало: во-первых, признание на международном уровне наличия между государствами-участниками связей, основанных на общей истории, языке и культуре, а также указание на «дух братства», что позволило Турции заявить и нормативно закрепить свои претензии на лидерство (роль «старшего брата» в этом «братстве»); во-вторых, круг направлений, по которым предварительно предполагалось осуществлять межтюркское сотрудничество, охватывал практически все стороны, включая культуру, образование, науку и экономику; в-третьих, многосторонний формат сотрудничества обеспечивал Турции возможность единовременного охвата всего тюркоязычного пространства Центральной Азии путем масштабирования наиболее успешных практик. Это позволяло успешно воздействовать общим мнением на любое государство, имеющее особое мнение, и существенно сокращало расходы, связанные с продвижением интеграционных идей.

Для Турции характерно использование инструментов «мягкой силы» в интеграционных целях во многих сферах жизнедеятельности одновременно. «Турецкое руководство... пошло не по стопам Евросоюза, который годами продвигался от решения проблем экономики к политике, а выработало оригинальные пути формирования надидентичности... Турция приступила к созданию различных «интеграционных полей» – культурных, образовательных, экономических, а затем и политических», что должно служить «одной долгосрочной цели – объединению тюрков» [1, с. 76]. При этом интеграционная деятельность осуществлялась не только на правительственном уровне, но и через структуры, функционирующие в парадигме «мягкой силы».

ТИКА и ТЮРКСОЙ как инструменты «мягкой силы» Турции в Центральной Азии

В 1992 г. Турцией на государственном уровне была учреждена координационная структура – «Турецкое агентство по сотрудничеству и координации» (ТИКА). Его единственной целью на момент создания являлась координация действий, направленных на единение тюркских государств под турецким началом через взаимодействие как в двустороннем, так и многостороннем форматах в социальной, экономической и культурной сферах, то есть там, где использование инструментов «мягкой силы» наиболее эффективно [15].

Наиболее ярко мотивировку учреждения Агентства характеризует фраза, которая может быть переведена следующим образом: «Турция относилась к государствам Центральной Азии как к различным государствам одной нации» [ibidem]. Подобное отношение соответствует взглядам З. Гёкальпа, склонного рассматривать различные тюркские народы как составные части единой тюркской нации. Открытие первого зарубежного офиса в Туркменистане свидетельствует о попытке проведения в жизнь его замысла, согласно которому первым интеграционным этапом должно стать единение огузов. При этом выбор в пользу Туркменистана, а не Азербайджана, также соответствующего признаку огузизма, говорит о выборе в пользу большего тюркоязычного пространства.

С течением времени Агентство, изначально задумывавшееся как «тюркское», в силу различных причин, включая реакцию «тюркских реципиентов», постепенно начало эволюционировать в сторону расширения географии «сотрудничества и развития», охватив не только Центральную Азию и Кавказ, но и другие регионы мира и тем самым превратившись в «турецкое».

Несмотря на то, что Агентством реализовано значительное количество проектов в различных сферах, говорить об особых успехах, достигнутых на постсоветском пространстве, сложно. Показательна в этом плане встреча Главы представительства ТИКА в Узбекистане с председателем Госкомитета РУ по развитию туризма в феврале 2017 г. По её итогам было принято «решение о необходимости разработки конкретных предложений по дальнейшему усилению партнерских отношений в области туризма» [5]. Оно представляет встречу лишь визитом вежливости, а также показывает качество взаимодействия, сложившегося в приоритетной сфере за более чем двадцать лет. Вместе с тем отечественные специалисты указывают и на некоторые положительные примеры деятельности Агентства в Центральной Азии [2].

Согласно интеграционной концепции З. Гёкальпа, достижение тюркского единства и возрождения единой тюркской нации невозможно без общего языка, литературы и культуры. Именно для решения этой задачи турецкой стороной был инициирован ряд процессов. В марте 1993 г. МИД Турции совместно с ТИКА провело Международную конференцию с участием лидеров всех независимых тюркоязычных государств. Её лейтмотивом стал тезис о необходимости перехода всего тюркского мира на единый тюркский алфавит, имеющий в своей основе латиницу [8, с. 157]. А в июле 1993 г. министрами культуры Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркменистана и Турции был подписан договор о создании «Организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства», ныне известной как Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ).

Цель деятельности ТЮРКСОЙ состоит в укреплении братства и дружбы между тюркскими народами, распространении общей тюркской культуры и сохранении ее для последующих поколений [7]. При этом цель, представленная на турецкоязычной версии сайта, включает также фразу об укреплении духовного единства между тюркскими народами.

Несмотря на то, что ТЮРКСОЙ позиционирует себя как международная организация, занятая проведением встреч художников, оперных фестивалей, литературных конгрессов и других форумов, являющихся площадкой обмена опытом деятелей культуры и науки тюркского мира, ключевой элемент, характеризующий деятельность организации – продвижение в мировом сообществе понятия «тюркский мир».

Наиболее ярким проектом этой направленности, обладающим высоким интеграционным потенциалом, является проект «Культурная столица тюркского мира». Он закладывает в массовое сознание информацию как о существовании «тюркского мира», так и наличии у этого мира своей «столицы», при этом создается некая иллюзия международно-политической субъектности (наличие границ и столицы). Проект «Культурная столица» не представляет собой оригинальной идеи, возникшей в недрах ТЮРКСОЙ, а скорее является калькой с аналогичного проекта Евросоюза. Примечательно то, что его реализация началась после перехода отношений между тюркоязычными государствами на уровень институционального сотрудничества.

Турция описывает проект следующим образом: «Культурная столица тюркского мира – одна из значимых инициатив Международной организации ТЮРКСОЙ, которая находится в постоянном развитии... Города, в разные годы удостоенные этого почетного титула, стали местом встречи культур тюркских народов: 2012 год – молодая столица Казахстана Астана; 2013 год – турецкий Эскишехир; 2014 год – столица Татарстана Казань; 2015 год – древний Мерв в Туркменистане; 2016 год – азербайджанский город Шеки; культурной столицей тюркского мира 2017 года был объявлен казахстанский Туркестан – город великого суфия Ходжа Ахмеда Ясави» [Там же]. В 2018 г. этого титула был удостоен турецкий Кастамону, в 2019 г. – киргизский Ош, а в 2020 г. – узбекская Хива.

О значении ТЮРКСОЙ в понимании стран-участниц можно судить по высказываниям лидеров тюркоязычных стран в свете их сопоставления друг с другом. Оценка деятельности из уст Р. Т. Эрдогана звучит следующим образом: «С глубоким удовлетворением слежу за деятельностью ТЮРКСОЙ по сохранению, развитию и исследованию тюркской культуры, искусства и языка» [Там же]. А Н. А. Назарбаеву принадлежат следующие слова: «ТЮРКСОЙ играет очень важную роль в представлении и распространении культуры и искусства тюркских народов» [Там же]. Приведенные высказывания ярко иллюстрируют восприятие формируемого ТЮРКСОЙ тюркского мира. Если в словах Н. А. Назарбаева усматривается адекватное восприятие наличия тюркских народов, составляющих этот мир, то из слов Р. Т. Эрдогана скорее следует вывод в духе З. Гёкальпа о наличии разрозненной тюркской нации, которой следует объединиться.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Турция, обладая уникальным культурно-историческим наследием, синтезировавшим в себя элементы культур различных цивилизаций, может заявлять о привлекательности страны для всего тюркоязычного пространства. Она своеобразно использует политику «мягкой силы», опираясь на стратегию множественности «интеграционных полей», обладающих относительной независимостью друг от друга. Это позволяет турецкой стороне поддерживать общую интеграционную активность даже в условиях внутренней политической и экономической нестабильности в самой Турции.

Центральная Азия явилась особо значимым регионом для применения этой политики. Наряду с важным геополитическим положением региона и его ресурсной обеспеченностью, четыре из пяти государств населены родственными тюркскими народами. Поэтому «мягкая сила» Турции реализовывалась в данном регионе с опорой на доктрину тюркизма З. Гёкальпа.

Важнейшими инструментами проведения политики «мягкой силы» в Центральной Азии стали две международные организации, инициированные Турцией: Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТИКА) и Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). Они внесли значительный вклад в формирование концепции единого «тюркского мира».

Эта концепция обеспечила необходимые для интеграции общественное мнение и соответствующую восприимчивость как в самой Турции, так и в центральноазиатских странах-реципиентах. Все это в совокупности позволяет утверждать, что «мягкая сила» Турции обладает значительным интеграционным потенциалом среди тюркоязычных государств Центральной Азии.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении взаимодействия Турции и государств Центральной Азии в международных организациях, созданных в рамках тюркской интеграции.

Источники | References

1. Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3. С. 71-78.
2. Аватков В. А. Тюркский мир и тюркские организации [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26047 (дата обращения: 23.08.2019).
3. Богатуров А. Д., Дундич А. С., Коргун В. Г., Тимофеев О. А., Троицкий Е. Ф., Хрусталева М. А. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.
4. Васильев А. Д. Тюркский вектор евразийской интеграции // Центральная Евразия. 2018. № 1 (1). С. 110-128.
5. Встреча с Главой представительства «ТИКА» в Узбекистане [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного Комитета Республики Узбекистан по развитию туризма. URL: <https://uzbektourism.uz/ru/vstrechi-i-intervyu/vstrecha-s-glavoj-predstavitelstva-tika-v-uzbekistane> (дата обращения: 23.08.2018).
6. Михалькевич Г. Н. О «стратегической глубине» и «мягкой силе» дипломатии «мудрой страны» // Беларусь - Турция: пути сотрудничества: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 25 февраля 2011 г.). Мн.: Четыре четверти, 2011. С. 71-79.
7. О ТЮРКСОЙ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.turksoy.org/ru/turksoy/about> (дата обращения: 12.08.2019).
8. Стародубцев И. И. Россия - Турция: 500 лет беспокойного соседства. М.: Э, 2017. 416 с.
9. Утургаури С. Н., Ульченко Н. Ю. Тургут Озал - премьер и президент Турции. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2009. 128 с.
10. Шарапов А. Неоосманизм во внешней политике Турции [Электронный ресурс] // Беларуская думка - русская версия. 2017. № 4. С. 53-57. URL: http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_87053.pdf (дата обращения: 12.08.2019).
11. Ankara Bildirisi (1992) [Электронный ресурс] // Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konseyi. URL: http://turkkon.org/Assets/dokuman/11_AnkaraBildirisi1992_1.DevletBaskanlariZirvesi_20140418_104048.pdf (дата обращения: 30.01.2018).
12. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu (Seksendokuzuncu basım). İstanbul: Küre Yayınları, 2013. 584 s.
13. Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları (Yedinci basılış). İstanbul: VARLIK YAYINEVİ, Ekin Basımevi'nde basılmıştır, 1968. 176 s.
14. Gökalp Z. Türkleşmek, İslamlaşmak, Muasırlaşmak / Hazırlayan İbrahim Kutluk (Birinci basılış). DEVLET KİTAPLARI. Ankara: Emel Matbaacılık Sanayi, 1976. 99 s.
15. Hakkımızda [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda-14649> (дата обращения: 12.08.2019).
16. Memorandum of Understanding between Turkey and the Russian Federation [Электронный ресурс]. URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/5452> (дата обращения: 28.10.2019).
17. Nye J. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153-171.
18. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y.: Public Affairs Group, 2004. 208 p.
19. Star of Islam (A Survey of Turkey) [Электронный ресурс] // The Economist. 1991. December 14. URL: <https://www.highbeam.com/doc/1G1-11674505.html> (дата обращения: 30.10.2018).
20. Vuving A. L. How soft power works [Электронный ресурс]: Paper presented at the panel "Soft Power and Smart Power", American Political Science Association annual meeting. Toronto, 2009, September 3. URL: http://apcss.flywheelsites.com/Publications/Vuving_How_soft_power_works_APSA_2009.doc (дата обращения: 12.08.2019).
21. Zeytin Dalı Harekatı nedir? Afrin Operasyonu'nda son durum nedir? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.haber7.com/guncel/haber/2530765-zeytin-dali-harekati-nedir-afrin-operasyonunda-son-durum-nedir> (дата обращения: 12.08.2019).

Информация об авторах | Author information

Белоглазов Альберт Владиславович¹, к. ист. н., доц.
Надыров Рустем Нилевич²
^{1,2} Казанский (Приволжский) федеральный университет

Beloglazov Albert Vladislavovich¹, PhD
Nadyrov Rustem Nilevich²
^{1,2} Kazan (Volga region) Federal University

¹ albert.beloglazov@kpfu.ru, ² nadyrovrn@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.06.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): Турецкая Республика; Центральная Азия; мягкая сила; ТЮРКСОЙ; The Republic of Turkey; Central Asia; soft power; TİKA; TÜRKSOY.